

Услышав признание Лю Чжэна, Гао Ли побагровел от ярости. Он подполз ближе и обрушил на него град ударов, попутно зацепив и сбив с ног Жун Жо. Цзян Ехун, не выдержав, отвесил обоим по увесистому пинку — только так их удалось разнять.

Гао Ли зашелся в яростном крике:

— Скотина! И ты, и они — вы все сдохнуть должны! Все до одного!

Лю Чжэн сплюнул густую кровавую слюну и зло огрызнулся:

— А ты тяжел на руку, гребаный псих... Послушай меня: я за свои поступки в ответе, но к исчезновению сестер Гао не имею никакого отношения!

Цзян Ехун снова наградил Лю Чжэна пинком.

— Увести его. Живо.

Он притянул Жун Жо к себе, подальше от арестованных.

— Это отпетые мерзавцы, не подходи к ним так близко. Не думай, что цепной пес не вцепится тебе в глотку, стоит лишь подойти на расстояние удара.

Жун Жо, не понимая причин такой резкой тревоги, послушно кивнул:

— Прости. Я буду осторожнее.

Цзян Ехун снова повернулся к Гао Ли:

— Так кто же на самом деле сгубил сестер? Лю Чжэн говорит правду?

Гао Ли угрюмо молчал. Он яростно бил кулаком по земле, пока из разбитых костяшек не брызнула кровь.

— Ли Фугуй с приятелями и впрямь воцелели барышень Гао, и дурные мысли их посещали не раз... Но они и вправду понятия не имеют, куда делись девушки. Чжоу Чжаотан и Ло Чуньчи тоже пускали слюны на сестер, но...

Цзян Ехун и Жун Жо обменялись красноречивыми взглядами. Выходило нечто невероятное: если ни троица богатеев, ни староста со старейшиной не были причастны, то куда же делись сестры Гао? Неужели и впрямь вознеслись на небеса?

Ехун взмахнул рукой, приказывая увести и Гао Ли. Тем временем ослепленные гневом жители принялись громить алтарь. Кто-то со всего размаху ударил по каменному треножнику, и тот с тяжким скрежетом раскололся. Белесые черепа с глухим стуком покатались по камням, рассыпаясь во все стороны.

Крики ужаса вспороли тишину. На алтаре мгновенно воцарилось мертвенное молчание. Все эти молодые люди, когда-то избранные «вестниками божества», теперь превратились в груды костей. Чьи-то сыновья, чьи-то дочери... Старая женщина дрожащими руками подняла один из черепов и зашлась в беззвучном рыдании. У Цзян Ехуна болезненно сжалось сердце.

Путь наверх казался бесконечным. Спускаясь, они не заметили крутизны, но теперь каждая ступень отдавалась тяжестью в ногах, словно лестница вела напрямик из преисподней. Ехун обернулся: Жун Жо бесшумной тенью следовал за ним шаг в шаг.

Небо начало светлеть. С высоты склона рассыпанные внизу деревушки казались безмятежными и прекрасными. Горько было сознавать, что за этим фасадом в ночной тиши скрывалась такая невыносимая грязь.

Жун Жо поравнялся с Ехуном.

— Старший брат Чу, Деревня Девяти Семей очень красива.

— Да, — отозвался тот. — Красива. И такое место не должно было...

— Там, куда не доходит свет, копится грязь, — Жун Жо посмотрел на далекие вершины, — но и там, где сияет солнце, ее не меньше. Таков уж этот мир.

Ехун невесело усмехнулся:

— Ты еще так молод, а рассуждаешь как старик.

— Я вырос в «веселых кварталах». Жизнь там быстро учит понимать, где тепло, а где холод, и я видел слишком многое. Из слов Лю Чжэна и Гао Ли ясно одно: исчезновение сестер действительно не на совести Ли Фугуя и остальных. Но за поджог и грабеж они заслуживают смерти.

Убийцы вроде бы пойманы, но вопросов меньше не стало. Цзян Ехун чувствовал, что в этой истории полно белых пятен.

— Если так, то где же все-таки девушки?

Солнце взошло, и в глазах Жун Жо отразился янтарный блеск, словно в глубине зрачков

застыла капля ликера.

— Картина. Старший брат Чу, нам нужно еще раз взглянуть на ту картину.

Жун Жо потащил Ехуна за собой вниз по склону. Когда они достигли деревни, разъяренная толпа уже ворвалась в дома Чжоу Чжаотана и Ло Чуньчжи.

— Назад! Всем стоять! — зычно выкрикнул Ехун. — Друзья, я понимаю вашу ярость. Но в стране есть закон. Свое наказание они должны получить от властей. Самосуд принесет вам лишь облегчение на миг, а после обернется тюрьмой. Поступая так, вы ничем не лучше их. Не позволяйте их поганой крови запачкать ваши руки!

— Как нам не убить их?! — прокричал кто-то из толпы. — Они зарезали наших детей как скотину, так мы и с их выродками сделаем то же самое!

Кровь требовала крови, и этот порочный круг казался неразрывным. Ехун понимал их чувства, но его нынешнее положение не позволяло допустить бойни.

Ван Дун вышел вперед и поддержал его:

— Земляки! Господин Чу раскрыл их гнусные личины и спас нас от тьмы. Мы не должны подводить его. Этих иродов заберет стража, их преступления станут известны всей Поднебесной. Когда их поведут на плаху, мы придем на площадь — разве это не будет лучшей мезью?

Голос разума с трудом пробивался сквозь пелену гнева. Не имея возможности терзать живых, люди выместили злобу на мертвецах, вытащив тела Чжоу Чжаотана и Ло Чуньчжи на всеобщее поругание.

Цзян Ехун закрыл глаза. В стороне, забившись в угол и дрожа всем телом, скулил сын Ло Чуньчжи. Он не мог не знать о делах отца; он годами пользовался своим положением, наслаждался превосходством и взял в жены самую красивую девушку в деревне. Но расплата пришла: ни у него, ни у сына Чжоу Чжаотана за много лет брака так и не появилось наследников. Настоящее проклятие.

Под давлением Ехуна Лю Чжэн выдал всех соучастников. Список оказался чудовищным — более двадцати человек. Потребовалось пять тяжелых телег-клеток, чтобы вывезти всех арестованных. Янь Юй отправилась в столицу вместе с ними; всю дорогу она не проронила ни слова.

Путь предстоял неблизкий. На одном из привалов Янь Юй долго стояла на холме, вглядываясь в сторону оставшейся позади Деревни Девяти Семей. Жун Жо подошел к ней:

— Госпожа Лу, вас что-то тревожит?

Она лишь медленно покачала головой. С самой первой встречи она сохраняла пугающее спокойствие. Лишь сейчас, при свете дня, стали заметны морщинки в уголках ее глаз и серебристые нити седины на висках.

— Просто... нахлынуло. Такая прекрасная деревня — и такое ужасающее нутро.

Янь Юй вернулась в повозку. Цзян Ехун, жадно припав к бурдюку с водой, украдкой поглядывал на Жун Жо.

Чжао Чэнь, заметив это, ехидно ухмыльнулся:

— Да смотри уже открыто, чего кривишься? Красота-то какая, глаз не оторвать. Твой он теперь, в столицу вернемся — делай с ним что хошь.

Ехун поперхнулся водой.

— Ты что за чушь несешь?

Чжао Чэнь расплылся в улыбке до ушей:

— Да брось, все свои, всё понимают. Мужская любовь — дело житейское, а перед таким милашкой у кого угодно сердце дрогнет.

— Вам заняться нечем?! — рявкнул Ехун и в шутку бросился на Чжао Чэня с кулаками. Ловцы заулюлюкали, подзадоривая своего начальника. Мол, «братец Чу» совсем застеснялся, видать, домашняя зазноба и впрямь на него так благотворно влияет.

Жун Жо, сидевший поодаль, расслышал лишь обрывки фраз и с любопытством спросил:

— Какая зазноба?

От этого вопроса лицо Цзян Ехуна приобрело такой пунцовый оттенок, что на него больно было смотреть.

— Никакая. Тебе слышалось. Они... они про столичных извозчиков байки травят.

Ловцы расхохотались еще громче:

— Точно-точно! Про извозчиков нашего главы Чу!

Ехун заскрежетал зубами:

— Еще хоть слово — и завтра на рассвете все на плац! Будете клинком махать, пока руки не отвалятся. Кто пропустит удар — добавим еще полсотни!

— Смотрите, — загоготал один из молодых стражников, — наш глава Чу совсем из ума выжил от смущения! Интересно, а этот ваш красавец... он хоть родить-то сможет?

Ехун не выдержал и отвесил наглецу звонкий подзатыльник:

— Совсем страх потеряли? Завтра на тренировку первым пойдешь!

Жун Жо захлопал ресницами, глядя на них с невинным видом. Кажется, до него наконец дошло, о чем речь. Он смущенно опустил голову и сел в сторонке.

Ехун, раздав всем по «затрещине» для острастки, подошел к нему и протянул воду:

— Не слушай этих оболтусов, у них в голове одна дурь. У меня к тебе... ну, никаких таких мыслей нет.

Жун Жо на миг замер, моргнул, а во взгляде промелькнула тень разочарования.

— А что это за «такие мысли», Старший брат Чу?

Ехун готов был провалиться сквозь землю.

— Ну, это... когда... когда хотят... — он снова начал невыносимо заикаться.

Жун Жо взял бурдюк и, внимательно посмотрев Ехуну прямо в глаза, серьезно произнес:

— Старший брат Чу, ты спас меня, подарил вторую жизнь. Я до конца дней буду тебе благодарен и во всем послушен. Какие бы мысли у тебя ни возникали... я не стану возражать.

— Да нет же... я не из тех... я... — Ехун резко отвернулся, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Что за наваждение? Стоило Жун Жо заговорить, как вся его решимость рассыпалась в прах.

Наконец они вернулись в столицу. Губернатор начал допросы той же ночью, и вести о Деревне

Девяти Семей мгновенно разлетелись по всем чайным и переулкам Лянцзина.

Дома Цзян Ехун первым делом смыл с себя дорожную пыль. Пока он вытирался, Жун Жо снова принялся изучать картину «Полет небожительниц».

Ехун зашел в комнату, на ходу вытирая мокрую шею.

— Видишь там что-нибудь?

Жун Жо обернулся. Рубаха Ехуна была распахнута, на крепкой, загорелой груди еще поблескивали капли воды. Жун Жо тут же отвел взгляд:

— Я... пойду приготовлю ужин.

Цзян Ехун поспешно запахнул ворот:

— Ты... только не подумай ничего такого...

Жун Жо замер в замешательстве:

— Подумать? О чем?

Ехун мертвой хваткой вцепился в воротник, мечтая исчезнуть с лица земли:

— Я... я вовсе не собирался... ну, это... бесчинствовать перед тобой...

Жун Жо широко раскрыл глаза, и на его щеках проступил едва заметный румянец:

— Старший брат Чу, что ты такое говоришь? Как ты можешь бесчинствовать передо мной?

Ехун, сгорая от стыда, выскочил из комнаты. Он готов был надавать себе пощечин за этот нелепый бред. Как теперь в глаза ему смотреть?

Жун Жо проследил взглядом за убегающим Ехуном и едва заметно улыбнулся.

Несмотря на усталость, он принялся за готовку. Лицо его осунулось, в движениях сквозило утомление — все-таки дорога далась нелегко. Закончив с делами, он решил прилечь ненадолго.

Ехун, не дождавшись Жун Жо к столу, заволновался. Сердце предательски заныло: парень ведь

с самой дороги на ногах, всё хлопочет, а он, здоровый лоб, привык, что его обхаживают. Сложив еду на поднос, Ехун отправился в комнату Жун Жо. Подойдя к дверям, он невольно вспомнил тот странный, тревожный сон.

Дверь была приоткрыта. У Жун Жо, кажется, вообще не было привычки запираяться. Ехун заглянул в щелку и замер. Жун Жо, стоя спиной к входу, уже развязал пояс и медленно стягивал одежду. Ослепительно белая кожа его спины напоминала драгоценный нефрит, а тонкая талия в сочетании с крепкими мышцами заставила Ехуна вспыхнуть до кончиков ушей. Это уже ни в какие ворота не лезло — он чувствовал себя последним развратником.

— Кто здесь?

Дыхание Ехуна перехватило. Он неловко качнулся, задев плечом дверь, и та с тихим скрипом распахнулась настежь. Жун Жо обернулся, глядя на него широко распахнутыми глазами.

<http://bllate.org/book/17428/1659065>